

Методологическая деаккумуляция знаний в искусствоведении

Сергей Ю. Штейн

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sergey@schtein.ru*

Аннотация. Статья посвящена обоснованию возможности использования методологической деаккумуляции знаний в качестве стратегического познавательного подхода в искусствоведческих исследованиях. Важность ввода в дисциплинарный оборот искусствоведения данного подхода обусловлена необходимостью поиска оптимальных средств, которые могли бы быть использованы для преодоления дискурсивности искусствоведческих исследований – одной из главных проблем искусствоведения, которая подтачивает фундаментальные основы его дисциплинарной идентичности. Данный подход оказывается функциональным и получает место стратегического подхода, обслуживая метапарадигмальную и специальную методологическую познавательные стратегии, основанные на переходе от натуралистического к деятельностному подходу к познанию. В таком качестве методологическая деаккумуляция знания замещает кумулятивный этап программы научно-исследовательской деятельности и задает новые продуктивные исходные познавательные условия, в которых преодолевается необходимость обязательного включения исследователя в концептуальный дискурс и полемики с концептуальными предшественниками. Таким образом, данным подходом не только оптимизируется индивидуальная работа исследователя-искусствоведа, который освобождается от непреодолимой дискурсивной зависимости, обусловленной допарадигмальной спецификой искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности, но, что самое главное, – закладываются основы для принципиально новой дисциплинарной культуры, потенциально возможной в качестве нормативной для искусствоведения.

Ключевые слова: методология искусствоведения, теория искусства, методологическая деаккумуляция знаний, методы искусствоведения, наука об искусстве, деятельностный подход, науковедение

Для цитирования: Штейн С.Ю. Методологическая деаккумуляция знаний в искусствоведении // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 98-107. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-98-107

Methodological deaccumulation of knowledge in art studies

Sergey Yu. Schtein

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sergey@schtein.ru*

Abstract. The article is devoted to the substantiation of the option to use methodological deaccumulation of knowledge as strategic cognitive approach in art studies. Importance to introduce such approach in a disciplinary turn over of art studies is caused by need to find optimal means which could be used for overcoming the discourse character of art studies researches, as one of the main issues of art studies undermining fundamental bases of its disciplinary identity. That approach turns out to be functional and takes the place of strategic approach, working as the meta-paradigm and special methodological cognitive strategies based on the transition from the naturalistic to the active approach in cognition. In such capacity, the methodological deaccumulation of knowledge replaces cumulative stage of the program in science-research and sets the new productive initial cognitive conditions in which the need for obligatory inclusion of the researcher in a conceptual discourse and polemic with conceptual predecessors is overcome. So, that approach not only optimizes the individual work of a researcher as art critic who is now freed from irresistible discursive dependence caused by to pre-paradigm specificity of art studies as specific disciplinary objectness, but, what is most important, now the foundations are grounded for a fundamentally new disciplinary culture, potentially appropriate as normative for art studies.

Keywords: methodology of art studies, art theory, methodological deaccumulation of knowledge, methods of art studies, art science, active approach, science studies

For citation: Schtein SYu. Methodological deaccumulation of knowledge in art studies. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series.* 2019;1:98-107. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-98-107

Нормирование научно-исследовательской деятельности в условиях искусствоведения, и шире – в границах гуманитарных дисциплин, определяемых как дисциплинарные предметности без парадигмальной составляющей, вследствие условности и тотальной субъектозависимости того знания, которое может быть получено при ее реализации, почти всегда связано с проблемой потенциальной функциональности получаемого знания. Таким образом, продукт деятельности обесценивает процесс его получения. В качестве возможного выхода из данной ситуации предлагается использовать на начальных этапах научно-исследовательской деятельности специфический подход – методологическую деаккумуляцию

муляцию знаний – стратегический подход, связанный с сознательным принципиальным абстрагированием от имеющихся знаний в отношении исследуемого.

Обоснование возможности использования методологической деаккумуляции знаний в гуманитарных исследованиях, в качестве функционального подхода к преодолению проблемы, связанной с трудностью реализации полноценной научно-исследовательской деятельности в ситуации понятийно и содержательно разрозненного знания в границах дисциплинарных предметностей без парадигмальной составляющей, требует последовательного решения задач по проблематизации функциональности реализации полноценной программы научно-исследовательской деятельности в разбираемой ситуации, краткому обзору двух стратегий – метапарадигмальной и специальной методологической, которые не связаны с необходимостью проведения в качестве третьего этапа программы научно-исследовательской деятельности аккумуляции знаний и, наконец, описанию методологической деаккумуляции знаний как подхода, замещающего этап аккумуляции знаний.

В какой бы форме – индивидуальной или коллективной, на каком бы уровне – магистерском, аспирантском, кандидатском, докторском, не протекала бы научно-исследовательская деятельность, она обязательно связана с необходимостью нормирования работы ученого. От оптимальности нормирования научно-исследовательской деятельности напрямую зависит не только эффективность энергозатрат, используемых для ее реализации, но и непосредственно конечный продуктивный результат – то знание, которое будет получено. В самом общем виде логика рассматриваемой работы может быть выражена в программе научно-исследовательской деятельности – алгоритме действий, направленных на достижение цели, связанной с получением знаний, соотносимых с предметом исследования согласно требованиям той формы рациональности и тем условиям конкретной дисциплинарной предметности, в границах которых реализуется познание.

На самом общем масштабе программа научно-исследовательской деятельности может быть разбита на семь этапов:

- *фокусирующий этап*, на котором определяется сегмент или уже – конкретный предмет научного интереса в рамках предметной области, формируемой дисциплинарной предметностью, в границах которой реализуется научная деятельность;
- *эмпирический этап*, обусловленный необходимостью непосредственного, опытного изучения того, на что произведена исследовательская фокусировка;
- *кумулятивный этап*, связанный с аккумуляцией имеющихся знаний в отношении определенного на фокусирующем этапе

сегмента или предмета исследования, знаний, главным образом находящихся в «знаниевой сетке», соответствующей той дисциплинарной предметности, в которой находится исследователь;

- *генеративный этап*, на котором происходит выявление исследовательской проблемы, разрешение которой и будет являться целью нормируемой деятельности;
- *верификационный этап*, связанный с необходимостью а) для начинающих исследователей, находящихся в условиях образовательного процесса, подтверждения соответствия выработанного на генеративном этапе направлению и уровню подготовки, а также специфике выпускающей кафедры, на которой реализуется работа, б) для институализированных ученых – верификации потенциального знания, которое может быть получено на его значимость и функциональность;
- *содержательный этап*, на котором происходит непосредственное получение знания;
- *этап формального выражения*, связанный с изложением полученного знания в том или ином продуктивном контейнере (монография, научная статья, диссертация).

Несмотря на то, что центральным этапом рассматриваемой программы является генеративный этап, особое место в научно-исследовательской деятельности занимают три предшествующих ему этапа – фокусирующий, эмпирический и кумулятивный. От фокусирующего этапа зависит что будет предметом исследования, на что будет направлено скрупулезное исследовательское внимание, что в конце-концов получит свое знаниевое выражение, в той или иной степени соответствующее наличествующему. От эмпирического этапа зависит полнота и характер той информации, которая снимается познающим субъектом с исследуемого. От кумулятивного же этапа зависит степень погруженности исследователя в то существующее знание о предмете, которое уже имеется, и от которого, изначально находясь в условиях определенной дисциплинарной предметности, ему приходится отталкиваться, которое он вынужден проблематизировать и опровергать, или же, что чаще всего и бывает – использовать в качестве исходного знаниевого материала (с предзаданными терминологическими и понятийными условиями), на основе которого и будет строиться собственное знание, дополняющее и расширяющее знание имеющееся.

Термин «научная парадигма» Томаса Куна имеет в виду возможность и необходимость разделения дисциплинарных предметностей на два принципиально разных вида – без парадигмальной составляющей (гуманитарные дисциплины) и дисциплинарные предметности с парадигмальной составляющей (дисциплины,

основанные на естественнонаучной форме рациональности). Вместе с тем необходимо оговориться, что естественнонаучная форма рациональности – всего лишь одна из возможных форм рациональности. И если под рациональностью понимать «характеристику знания с точки зрения его соответствия наиболее общим принципам мышления» [1 с. 719] – некое жесткое обуславливающее условие, предъявляемое к знанию, то наравне с естественнонаучной формой рациональности можно говорить о философских формах рациональности, религиозных формах рациональности и т.п. Иногда речь идет о методологической форме рациональности и, соответственно, методологической парадигме, подразумевая задаваемые совокупностью методов условия, которые и образуют своеобразный тип рациональности и основанную на ней парадигму. Но в таком случае в рамках одной и той же дисциплинарной предметности могут сосуществовать две и более таких парадигм, что совершенно обесценивает сам термин парадигма.

Знание в границах дисциплинарных предметностей без парадигмальной составляющей, например в рассматриваемом искусствоведении, представляет из себя такого рода специфическую «знаниевую сетку» – систему взаимосвязанных знаний, которая, во-первых, выражает не столько знание об исследуемом, сколько искажающие свойства используемых подходов и методов, а также той предметоформирующей позиции, с которой велось познание, а, во-вторых, является не только потенциально, но и реально вариативной в границах самой дисциплинарной предметности, что и выражается наличием «противоборствующих школ и школок» [2 с. 37], которые и характеризуют нахождения данной дисциплинарной предметности на допарадигмальном этапе развития. Причем разность знаний в отношении одного и того же, в границах одной и той же дисциплинарной предметности, может иметь также и различное понятийное, и терминологическое выражение, что затрудняет не только возможную междисциплинарную, но и внутри дисциплинарную коммуникацию.

Основное отличие знаний в границах дисциплинарных предметностей без парадигмальной составляющей от знаний в границах дисциплинарных предметностей с парадигмальной составляющей заключается в том, что при наличии парадигмальной составляющей, во-первых, знание всегда является знаниевой моделью – единственно возможным на актуальный момент знаниевым заместителем объекта, с учетом изначальной условности определенной формы рациональности, во-вторых, иное знание без доказательства ложности знания имеющегося является невозможным, в-третьих, парадигмальное знание является терминологически, понятийно, методологически, инструментально и структурно гомогенным.

То есть можно заключить, что само имеющееся знание не только задает некие изначальные правила игры для познающего субъекта, но и самым непосредственным и жестким образом нормирует работу любого ученого в границах конкретной дисциплинарной предметности с парадигмальной составляющей. А в связи с тем, что парадигмальное знание имеет заместительный характер в отношении исследуемого, то на эмпирическом этапе научно-исследовательской деятельности ученый вполне может иметь дело не с конкретным сегментом познаваемого, а с уже имеющимся знанием в его отношении, и, таким образом, в программе научно-исследовательской деятельности в границах дисциплинарных предметностей с парадигмальной составляющей второй и третий этапы вполне могут быть объединены в один – *эмпирико-кумулятивный этап*.

Анализируя первые три этапа программы научно-исследовательской деятельности ученого, реализующего свою работу в условиях дисциплинарных предметностей без парадигмальной составляющей, можно определить наличие двух возможных стратегий: в первом случае – связанной с фокусировкой на некоем предмете, с его эмпирическим изучением, и уже затем с аккумуляцией знаний о нем, во втором – по примеру работы парадигмального ученого – с изначальной фокусировкой на знании в отношении некоего познаваемого, которое представляется заместительным. Однако и в первом, и во втором случае исследователь сталкивается с потенциальной проблемой, связанной с тем, что, в случае наличия знания и в отсутствии или же не нахождения альтернативного знания в отношении интересующего, а также в случае наличия двух и более знаниевых представлений в отношении одного и того же, ему придется принимать наличествующее знание за истинное или же проблематизировать его (это же касается и случая с «белым пятном» – выявленным познаваемым, в отношении которого отсутствует «знаниевая сетка», накидывание которой связано с необходимостью вписывания ее в уже имеющуюся систему знаний в границах определенной дисциплинарной предметности). При этом принятие имеющегося знания – автоматически означает допущение того, что это знание признается исследователем заместительным, а проблематизация – превращает исследовательскую работу в отношении познаваемого в доказательство ложности частного представления, которое уже имеется. В итоге и то, и другое накладывает определенный негативный отпечаток на последующие этапы исследования.

Так, генеративный этап программы научно-исследовательской деятельности ученого, реализующего свою работу в условиях дисциплинарных предметностей без парадигмальной составляющей, в случае принятия им в качестве знаниевой основы определенного имеющегося представления, будет заключаться в попытке находж-

дения возможности углубить имеющееся знание или же, если разговор идет о «белом пятне» – подготовить условия для вписывания проектируемого знания в имеющуюся смежную «знаниевую сетку», в случае же проблематизации имеющегося знания – исследовательская стратегия будет связана исключительно с доказательством его ложности и попыткой, отталкиваясь от обоснованной несостоятельности опровергаемого знания, сформировать свое собственное представление (отдельно надо отметить, что при исходном наличии большого количество заниженных представлений в отношении одного и того же – проблематизировать и опровергать придется каждое из них, а если, что очень возможно, в них будут присутствовать те или иные аспекты, которые окажутся непроверяемыми, их придется использовать в дальнейшем собственном построении, что неизбежно влечет проблему структурного, понятийного и терминологического наследования, которое может не совсем соответствовать собственному представлению в отношении к проектируемому знанию и, таким образом, проблематизации теперь должен будет подвергнуться уже и этот аспект имеющегося знания).

Содержательный этап и этап формального выражения программы научно-исследовательской деятельности ученого, реализующего свою работу в условиях дисциплинарных предметностей без парадигмальной составляющей, наследует все те затруднения, которые обуславливают генеративный этап. Более того – которые в разы усложняют исследовательскую работу необходимость не столько непосредственно вести исследование и выражать уникальное полученное знание, сколько погрузиться в специфический дискурс и развешивать непродуктивную с точки зрения познания концептуальную полемику, уводя продуцируемые представления все дальше и дальше от исходно познаваемого.

Развешивание метапарадигмальной и специальной методологической познавательных стратегий в условиях искусствоведения, и шире – в любой научной дисциплине, оказывается возможной при переходе от натуралистического к *деятельностному подходу к познанию* [3] и использовании при этом специфической *перманентной рефлексивно-методологической работы*, заключающейся в том, что, «во-первых, на основе имеющегося продукта познания – знаниевого представления в отношении познаваемого, через его распрямление (определение механизма получения знания) осуществляется построение максимально объективированной онтологической схемы познаваемого, основанной на фактологической информации, содержащейся в распрямленном, по отношению к которой данное знаниевое построение может быть позиционировано точно так же, как к исходному познаваемому, во-вторых, в ситуации про-

должения познавательной активности кого-либо в отношении того же самого познаваемого, продукты данной активности продолжают позиционироваться методологом к построенной ранее онтологической схеме познаваемого и при наличии в позиционируемом того, что является независимым от используемых познавательных механизмов, то есть – фактов, выражаться в качестве дополнений к исходной онтологической схеме. Таким образом, при наличии одного исходного знаниевого представления и ряда последующих знаниевых представлений в отношении того же самого познаваемого, в результате реализации перманентной рефлексивно-методологической работы будет получена единая онтологическая схема познаваемого, а все имеющиеся знаниевые представления позиционированы по отношению к ней в качестве вариативных предметных представлений ее отдельных аспектов или же всей схемы в целом, обусловленных специфическими механизмами ведения познавательной деятельности» [4 с. 9].

Собственно метапарадигмальная стратегия связана «с тем, что на основе имеющейся онтологической схемы, независимо от наличествующих знаниевых представлений или же напротив – опираясь на них, выстраивается максимальная схематическая модель познаваемого (что будет являться методологической парадигмой в отношении познаваемого)» [4 с. 10], а специальная методологическая – «с рефлексивным ответом на активность познающих субъектов, находящихся в ситуации натуралистического подхода к познанию в отношении познаваемого, которое соотносится с имеющейся у методолога онтологической схемой этого познаваемого» [4 с. 10].

Если изначально – на фокусирующем этапе программы научно-исследовательской деятельности иметь в виду то, что в основной части исследования будет использоваться данный методологический инструментарий, то появляется возможность сразу же фиксировать в качестве одного из стратегических подходов, то есть подходов, определяющих стратегию познавательной активности в отношении исследуемого, – методологическую деаккумуляцию знаний, использование которой автоматически означает возможность абстрагироваться от имеющихся знаниевых представлений в отношении исследуемого, то есть ситуацию замещения данным подходом кумулятивного этапа.

Для искусствоведов это означает, что можно совершенно абстрагироваться от любых знаниевых построений в отношении их фокуса интереса – не перелопачивать тысячи страниц концептуального мусора, разорвать порочный круг дискурсивной игры в псевдоединство имеющегося искусствоведческого знания, в контекстуальность и интертекстуальность, и в то же время оставаться и в дисциплинарной познавательной ситуации, и в строгих рамках

научности. Единственный момент, обусловленный невозможностью не соотноситься с имеющимся знанием, – это необходимость после фокусировки на исследуемом определить возможное уже наличие его онтологической схемы: при ее наличии собственное построение надо будет осуществлять на основе имеющегося, которое при этом может быть проблематизировано только вследствие обнаружения логических ошибок, допущенных при его конструировании или же нахождении для схематического построения более оптимальных с точки зрения экономии средств его выражения.

Если для «классических искусствоведов» – тех, кто работая с традиционными формами искусства, главным образом фиксирует само наличие этих форм и проводит их перевод в вербальную форму, то есть занимается по сути вопросами истории, данный подход может быть и не функционален, то для исследователей современного искусства, формы которого настолько подвижны в своей трансформации, что для них не успевают сформироваться специфические продуктивные контейнеры (то, что определяет специфику и вариативность формосодержательной целостности в условиях конкретной деятельности), а также для теоретиков искусства – тех, кто должен ухватить саму сущность познаваемого, данный подход является не только чрезвычайно функциональным, но, возможно, и вообще единственным действенным средством выхода из дискурсивности, заложниками которой являются гуманитарные ученые.

В то же время для самого искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности использование исследователями-искусствоведами методологической деаккумуляции знаний привносит продуктивную экономию, заключающуюся в отсутствии пробалтывания одной и той же информации и дискурсивной полемики. По сути же, обслуживая определенную познавательную стратегию, данный подход формирует зачатки новой *дисциплинарной культуры*, вполне возможной в качестве нормативной для искусствоведения.

Литература

1. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики / Под ред. А.А. Ивина. 2004. 1072 с.
2. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
3. Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодейтельного подходов // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. С. 143–154.
4. Штейн С.Ю. Перманентная рефлексивно-методологическая работа в условиях искусствоведения // Артикульт. 2017. 26 (2). С. 6–26. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-2-6-26

References

1. Philosophy. Encyclopedic Dictionary. Ed. by AA. Ivina. Moscow: Gardariki Publ.; 2004. 1072 p. (In Russ.)
2. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Moscow: AST Publ.; 2003. 605 p. (In Russ.)
3. Shchedrovitsky GP. The methodological meaning of the opposition of the naturalistic and the system-activity approaches. Shchedrovitsky GP. *Selected Works*. Moscow: Shkola kul'turnoi politiki Publ.; 1995. P. 143-54. (In Russ.)
4. Schtein SYu. Permanent reflexive-methodological work in the framework of art studies. *ART&CULT*. 2017;26(2):6–26. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-2-6-26 (In Russ.)

Информация об авторе

Сергей Ю. Штейн, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sergey@schtein.ru

Information about the author

Sergey Yu. Schtein, Cand. of Sci. (Art Studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; sergey@schtein.ru